

Ольга Ильницкая ПРОГУЛКА ВДОЛЬ ОБМОРОКА

Не получается. Ускользаю. Опадаю. Вот: слышу вас, Фа и Ли, еще слышу. Но незачем говорить.

Хорошо исчезать в книжном магазине, с Бахтиним в руках, с Померанцем в сумочке, с Ли и Фа за спиной.

Впереди дорога между Небом и Землей. Я уже немножко не я, а "чистый разум". И в нем отражаются звезды и тайны. Я отражаюсь и слышу, как бьют по щекам. Пальцами веки раздвигают, вовнутрь заглядывают. Что видят?

Все залито молоком из чашки, перевернутой в детстве. Мышка бежала, хвостиком махнула, мама подолом лужу промокнула. С тех пор в голове молоко плещется, через край проливается в жизнь, где вопросов немеряно: ты слышишь нас? Глаза открой! Как часто в обморок впадаешь? Где ты так долго пропадаешь? Да отвечай же, боже мой!

Все тише голоса, все больше молока — это кровь моя белеет, из нее уходит жизнь. Лишь сгущенный сладкий смысл остается.

Здравствуйте, милые, ясноглазые. Какое вольное дыхание у времени. Дихотомия смерти и жизни отпустила, и свет настольной лампы согревает ладонь, на которой лежит стеклянный шарик Мира.

Хочется конкретного. Поэт Миролла в шерстяном свитере захлопывает дверь такси, вновь открывает, сосредоточенно целует мою руку, рука белее молока.

Мороз семь градусов, машина уплывает, поэт красив и, отдаляясь, тает.

Мы едем мимо Александр-Хаоса, я вижу, что тебя в нем нет. Воскресенье. Ночь.

Мне жаль, что у тебя есть более серьезные и интересные вещи, чем я.

Как интересно это!

Я боюсь, что отнимаю у тебя время, когда говорю.

Я в замешательстве из-за утрачивае-

мых привычек быть среди агрессивной среды, к которой надоело приспособиваться.

Я в замешательстве из-за разворачивающейся жизни, сияние огней ночной Москвы говорит о том, что мрак у меня в голове, раз вокруг блестит и ослепляет.

Но в голове моей плещется детство крови, разбавленной молоком.

Не хочу я пить этот напиток, с каждым невыпитым глотком детство мое продолжает.

О, как ты недоступен слуху, взгляду, ты словно собака на поводке, таком длинном, что я всегда за углом, а ты далеко, около свободы.

Я держусь за поводок крепко, а разожму, и мы умрем.

Не берегись, родной, не берегись. От свободы поступать не так, а иначе — не уберешься!

Но так ли, иначе ли — везде есть я, и на юге, и на юго-западе, по левую руку и по правую, и в небе, и под землей — взгляд мой исподлобья вопрошает: "Где и когда? Когда и где?"

Отвечает:

— Всегда!

Отвечает:

— Везде!

О чем шепчет вода в реке, леденя?

Чешуя чешется от мороза, — пожаловалась рыба, высовывая голову из-под глыбы, плывущей по Нескучному саду, где я по тебе не скучаю, потому что, став гордой, набираю воздуха в грудь и взлетаю — к свободе твоего поступка.

Там, где окажешься ты, встречу тебя!

Фа, я не хочу их больше видеть, я жить их жизнью не хочу. Я памятью могу обидеть.

Завтра наступит сегодня, и Ли теревит — ты позвонила доктору?

О, да, я ему позвоню — через тридцать минут. Он скажет, что время не ждет. И

вколет иглу, и мое молоко по иголке из крови уйдет. Это будет под вечер — красное на белом, румянец на щеках.

Я улыбнусь и всем скажу: "Привет!" Я вновь не только слышу — отвечаю! — И, значит, долго буду быть.

О чем продолжить — чтобы не без смысла? — Продолжить надо начатую фразу про чистый разум. В нем горит печаль.

Утраченная память не сомнется, она висит на плечиках в шкафу, ты выпьешь водки, и она заткнется. Как плохо разговаривать стихами, а понимать и думать, что хочу.

Возможно, в нашем мире нет ничего, что быть хотело б нами.

"Упрямо буду я мочить в сортире врагов любви, всех тех, кто любит TV, кто за стеклом..."

Соседа по квартире мотив ворвался в мой прохладный дом. Ритм и размер — все было черте как, вновь мне хромать и фыркать раздраженно, газетой вытирать те зеркала, что отражают загрязненный разум.

Произношу ненужные слова, по Библии читаю про разлуку и напеваю "Пам-пам, пам-пам".

Скука заполонила всю, до чердака...

Я протяну стареющую руку и свет включу. Ты помолчи, пока я раздвигаю медлительные губы, чтобы ребенка в мир впустить и вновь тебя спросить:

— Что с нами завтра будет?

Ведь завтра дети станут с потолка всей твоей жизни — в мир, срываюсь, падать. Вместо того, чтобы спускаться лифтом...

Моя радость...

О, не бывает лучше, чем решили.

Жизнь так проста, что некуда в ней думать.

P. S.

А лучше взять билет на самолет.

И вместе встретить Старый Новый год.

нежен, добивается встречи то с очередным членом на вырост, то с внезапным бюстом... для трибуны, неизбежно вновь попадает в кабинеты, гостицы, погранные семейные спальни — где мстит... Вечно выуживаю его.

Даварий, ты кому мстишь? — спросила за чаем.

А он в ответ:

— Я — не кому, я — за кого!

И не понять, сам-то — кто?

Вторник, 24 декабря

— Даварий, пошел бы ты к черту.

— Не груби.

— Даварий, ты притомил меня.

— А ты абстрагируйся.

— Даварий, ну нет у меня больше слов, и вообще...

— Понял! Ты меня полюбила. И нечего переживать, мы не расстанемся с тобой!

О, Господи, — поняла я, — ситуация безнадежна. Что он вообразил?

— Ты что вообразил, что мы станем вести общее хозяйство, делить радости и горе, разговаривать в свободное от жизни время?

И тут Даварий мне все объяснил.

После этого я написала о том, как убила своего сына Андрия, когда была Тарасом Бульбой, и сына Ивана, когда была Иваном Грозным, а когда Любовью Яровой, а потом Марией, помните "Сорок первого"? — своих любимых убила! И во всем была виновата идея.

Вот тут-то, обалдевший критик Ефим объяснил мне про Тренева, Лавренева, Гоголя и знаменитого художника, написавшего общеизвестную картину. Но мне отшибло на нервной почве, которую добросовестно создает Даварий Бухенфорд, и я забыла имя художника.

Ефим объяснил мне, как я глубоко заблудилась насчет своего авторства, я расплакалась, я сказала:

— Даварий, ты нехороший...

А Ефим сказал, что он — Ефим, а не Даварий.

И тогда я плакать перестала. Потому что — нехороший кто? Человек же — не скажешь о Бухенфорде. А — как? И я спросила у критика, который меня уличил:

— Вы его знаете? Вы видели Давария?

— Да, — ответил Ефим. — Даварий Бухенфорд — это диравитанир бикарамуд фарокидер.

С этих пор я ненавижу критика, Давария, и передвижников, и классическую литературу, в том числе советского периода. И вообще, у меня есть лимонка. На всякий случай.

ХРОНИКА ОТНОШЕНИЙ С ДАВАРИЕМ БУХЕНФОРДОМ

Понедельник, 18 августа

Его зовут Даварий Бухенфорд. Я не знаю, что с ним делать. Звонит в половине первого, спрашивает:

— Какой у тебя код? — и кладет трубку.

Какой код? На всякий случай ответила:

— Двадцать один.

Что теперь будет? Двадцать один — это очко.

Вчера еду, вдруг на капот падает ворона. Мертвая? Торможу, выскакиваю, а она приоткрывает глаз и вежливо так:

— Будь любезна, дорогая, Даварий... — и абзац. Полный.

Чего — Даварий?

Появился он в моей жизни — не вспомню, когда и как. Сразу! Смотрю, а он уже сидит на кухне, пьет друилко и втохивает мне про вегетативное размножение диетилтринилитураторных викирибариев. На что мне это?

— Ты кто такой? — спросила. А он губы трубочкой, воздух втянул и пошел диван пылесосить с недовольным урчанием.

Больше у меня нет дивана. Спылесосил.

— Верни диван, гад, — говорю.

Он бровки к ушам отвел и отвечает:

— Претворил!

И бутылку с друилоком протягивает:

— Оттянемся?

Попробовала. Девятыне сутки наяву вижу сны последних ночей, проведенных на светлой памяти диване.

Ни смысла в этой истории, ни красоты. Ни конца...

Среда, 3 сентября

Даварий пожаловался на президента:

— Понимаешь, он у меня парторгом был, ходил интеллигентно, в очках, с дипломатом. А теперь в цилиндре. На что ему цилиндр, он же к нему пиджак носит и галстук в крапинку.

— А ты внимания не обращай.

— Да я машинально. Утром он в лайковых перчатках был и брошка, как у тебя.

Твоя где? Я дом перерыл — не нашел. — И, удивляясь:

— Ты что-нибудь понимаешь?

А что мне понимать, я у президента свое платье с брошкой вчера сняла.

Даварий сообразил, брови к ушам отвел и спросил:

— А домой ты в чем вернулась?

Как ему сообщить, что я еще не вернулась?

Четверг, 4 сентября

— Даварий, где у тебя парторгом был президент?

— Ты еще про зарплату спроси, — рявкнул Даварий.

— Даварий, а где ты сейчас получаешь зарплату?

— Ты что, уже вернулась? — Бухенфорд стоял в моей ночной рубашке и подщипывал брови рейсфедером.

— Хорошо, — примирительно сказала, — про зарплату можешь не говорить, но вот зачем ты в мою постель залез?

— Кто, я? — Бухенфорд, откинул одеяло — ...ты спал на животе, и рядом лежал мигающий ноутбук.

— Даварий, — сказала я растерянно, — ты бы еще президента рядом положил...

Воскресенье, 15 сентября

Работа у меня — благотворительность. Мне и на жизнь хватает, и на брошенных девочек с распухшими животами, что таят будущую угрозу для обидчиков. Излишки составляют мой прожиточный минимум, остальные деньги отдаю брошенным с детенышами.

Даварий Бухенфорд, поддерживая в трудную минуту, говорит мне душевные, эротические слова:

— Ты пока не состарилась, тебе полвека, и волосы у тебя до помки, и сексапил, как у нейтронной бомбы, в радиусе двухсот километров. И ты могла бы работать топ-моделью, но зарабатывала бы меньше. Их работа — эротика, а они ее путают с сексом. Ты же занимаешься ею, как занимаются аэробикой. Из удовольствия от красивого тела и любви к искусству!

Раздражает меня этими разговорами неимоверно. Никак не пойму, кто такой Бухенфорд?

Вечно выуживаю его из кабинетов, гостицы, погранных семейных спален, где он мстит за каждую обиженную выпуклость и впадинку. Одержимый раздвижными ногами, Даварий притворно

Южная, 27

Я вернулась к вам, родные камни, К вам, где в прошлом веке жизнь прошла, Мой балкон, к тебе... Как часто мама Вечерами здесь меня ждала.

За дверьми твоими пианино, Милый "Bekker", коему сто лет. Грустно смотрят окна из гостиной, Где давно, где так давно нас нет.

Отзвучали папины романсы. Мамин чуткий аккомпанемент Сколько добрых встреч здесь было раньше... Воск оплыл. Погас родимый свет.

Не урчит здесь больше бормашина, Чей-то зуб спасая на корню. Дедушка ко мне волшебным джином Не присядет тихо, как к огню.

Чтоб, не снявши белого халата, Мой задачник пододвинуть: "Ну-с!" И решить те три задачки клятых, Над которыми так тщетно буюсь.

Чтобы растопить потом голландку, Папу с мамой повстречать теплом, Чтоб, румяною хрустя баранкой, Всем нам почаевичать потом.

Чтобы к пианино сесть братишке За этюды Черни, звуки гамм, Мамин строгий голос вслед услышать: "Ты закончишь точно по часам!"

Это было... Это не растает... Этому по гроб во мне звучать Под рулады 5-го трамвая И акаций пряный аромат.

Лина ВЕРБИЦКАЯ.
Одесса — США.

МОНОЛОГ ПУЛИ

Я — Пуля. Обыкновенная. Ну, не совсем. Меня перед тем, как выпускать, центровали, полировали...

Родителей своих не знаю. Многие люди старание приложили для моего рождения. У них цель была — чтобы я точно в цель попадала.

Еще и другие цели были. Вот, скажем, на танковом училище, где киллер мой учился, надпись помню. Такими мертвыми буквами: "Наша цель — коммунизм". И как вы думаете, я туда попала? Конечно, нет. А знаете, почему? Они тоже туда не попали.

Как же я без них? И можно ли попасть в то, чего нет и быть не может?

А киллер мой, Фрол, в училище на танке ездить учился. И когда его оттуда выпустили (я не оговорила — из училища, а не из тюрьмы), вынужден был на "Мерседес" шестисотый пересесть: на всех танков не хватило. Конечно, это не совсем то. Всего триста лошадиных сил, а не как в танке — восемьсот. Но и так жить можно, если я не в сердце, скажем, а в карманчик жилета киллера попала.

Коробочка у меня там клевая. Изнутри бархатом оклеена. Тепло, сухо... Класс! А у Фрола жена есть, а коробочки, то есть трехэтажного домика пока еще нет. Он люкс-мужик все же.

А другие? Знала, знала несколько мужчин. Пистолет, например. Или Наган. А Револьвер? Он какой-то странный был. Крутит — то влево, то вправо. Пока в нужную позицию меня не поставит. А потом не стреляет.

Позиция. Оппозиция. Это если левые — "за", то правые — "против". Как у меня с мужчинами. Чтобы разобраться, что к чему, нужно войти в него. А не наоборот.

И Браунинг. О... Интеллигент! То ли еврей, то ли немец. А может, американец? Они все там американцы. Или украинец. Здесь тоже одна на всех национальность. Нет, когда я с Браунингом дружила, Украины как суверенной страны еще не было.

А вот сегодня меня с каким-то странным типом познакомили. Только одни инициалы. Как будто бы имени у него и вовсе нет — "Т. Т."

— Будем посмотреть, — как говорят в Одессе. Это вам не Браунинг. Никаких шуточек интеллигентских.

Не успела я в него войти и как следует что к чему разобраться, он меня уже трахнул. Бойком. Ну, туда, куда надо — в макушку. И я, как пуля (ох, извините, я же — пуля), скажу иначе: и я из дула мгновенно вылетела. Ну "мгновенно", это по-вашему, по-человечески. Посмотрите на себя, какие вы огромные по сравнению со мной! Оттого вам и кажется, что лечу я мгновенно. А для меня в вашем мгновении так много времени заключено, что можно еще хорошененько поразмыслить о житье-бытье. Вот, значит, лечу я и думаю: "Если сердцем вице-премьера мигмом овладею... Вы же понимаете, как это серьезно. Он ведь чуть ли не всей страной управляет. И дома жена его с работы ждать будет. А он — нехорошо как-то — со мной. И навсегда..."

Фролу тоже угодить хочется. Да нет, не во Фрола, а именно Фролу...

"Т. Т.", "Т. Т." ... Тоже мне: Такой Твердый... Или Такой Тесный? Как правильно будет?

А давай-ка я в глушители застряну, а? И киллеру моему ничего. Он задаток уже получил. Хотя и не вся сумма, а на один этаж дома все же хватит:

— Техника подвела, понимаете ли... И страна под присмотром останется. Иначе нельзя. Выборы скоро. Вот и задумайтесь тут.

Я — Пуля! А может, уже нет — просто кусок металла, а?..

В. КОВАЛЕВ.